

УДК 821.133.1-4

DOI 10.25688/2076-913X.2018.32.4.02

О.В. Тимашева,
М.В. Тищенко

Эссеистика Шарля Пеги в свете прагматики текста

Статья посвящена рассмотрению прагматики текста литературно-художественного эссе. Анализируется сила воздействия текста на читателя, имеющего свое понимание, видение, осмысление, свой кругозор. Доказывается антропоцентризм и многозначность жанра эссе.

Ключевые слова: прагматика текста; читатель в социокультурной практике; типология читателя; силовое воздействие текста; нарративность.

Прагматически ориентированный дискурс художественной эссеистики имеет большую силу воздействия на читателя. Параметры такого типа дискурса, определяемого нами как научный, заданы еще и художественным началом. Сущность эссе, по М. Эпштейну, заключается в совмещении различных способов миропостижения. Взаимные переходы, переключения из образного ряда в понятийный, из понятийного — в бытовой являются характерной чертой эссе. Без них эссе распадется и может превратиться в обыденное философское рассуждение [9: с. 235]. Эссе присущ также особого свойства *антропоцентризм* (с точки зрения содержания), *нарративность* (с точки зрения формы), *многозначность* и *событийность* (с точки зрения мировосприятия). Наше рассуждение о тексте литературно-художественного эссе ставит целью раскрыть силу воздействия жанра на читателя, в частности показать общественный резонанс эссеистики Ш. Пеги, который создавал в конце XIX в. рассудочно-христианские, социально продуманные тексты.

Адресат литературно-художественного эссе — читатель с коммуникативным ресурсом сознания — играет важную роль в судьбе литературного произведения. Речь идет о репродуктивности (накоплении знаний), регулятивности (получении для себя сведений или инструкций) и критической самостоятельности мышления. Для освоения предполагаемой теории некоторого объекта необходимо разделить ее с теоретизирующим субъектом, зная его миропонимание (в пределах коррелятивности данной теории). От теоретизирующего сознания требуется способность мыслить в разных логиках. Однако не всегда читательская логика совпадает с авторской. Согласимся с мнением И.П. Хутиз, которое актуально и для текста в литературном дискурсе:

«Если дискурс ориентирован на читателя, то автор должен сделать все возможное, чтобы предвидеть вопросы читателя, пробелы в фоновой информации» [6: с. 64]. Важным считаем своеобразное предупреждение читателя о том, что чужое слово надо воспринимать без благоговейного приятия, это и будет, по мнению М.М. Бахтина, условием адекватной рецепции теоретического дискурса [2: с. 273].

Понимание текста (правильное интерпретирование) зависит от многих факторов, которые прежде назывались экстралингвистическими, а теперь чаще — прагматическими. Полагаем, что для понимания эссеистического текста читателю важны не только определенные научные знания, эстетическая чувствительность, владение языком искусства и литературы, но и способность воображать, дополнять, конкретизировать абстрактные образы, соединять разнородные части в единое целое, сопоставлять смысловые единицы.

Текст и только текст служит гарантом интерпретации. Итальянский семиотик У. Эко [8] был одним из первых, кто открыл перспективу для разговора об участии читателя в порождении текстуального смысла. Впоследствии, когда идею активно использовали другие исследователи, ученый заявил, что права интерпретации могут быть несколько гипертрофированными, а текст оказывается слишком открытым. Эту тенденцию он называет гиперинтерпретацией. Индивид не может прочесть текст так, как ему будет угодно, он всегда ограничен правилами чтения и интенцией текста. В случае с эссеистикой Ш. Пеги интенции аудитории и активных читателей совпадают с пределами текста.

Литературно-художественное эссе всегда направлено на читателя. Акт чтения — диалог, встреча опыта читателя с опытом автора литературного произведения. Для эссе, которое имеет научную направленность, важна «ориентация на читателя/автора», она «определяет, какая из сторон, т. е. читатель или автор, несет ответственность за понимание информации и адекватную интерпретацию идей» [6: с. 64]. Сегодня в литературоведении читающую аудиторию типологизируют следующим образом: 1) читатель рассматривается как инструмент понимания текста; 2) читательская активность объявляется идентичной по своей значимости тексту. Обладая лингвистической и литературной компетенцией, читатель выступает как носитель совокупности социально-культурных практик, обуславливающих процесс чтения. Аудиторию Ш. Пеги мы относим ко второму типу читателей печатного текста.

В свою очередь, французский литературовед Д. Кост [10] представляет иной подход к термину *читатель*. Для него это прежде всего *читатель эмпирический*, тот, на которого, как правило, обращают мало внимания. Он судит и воспринимает текст *по-своему* и потому неподвластен теоретическому программированию. Его полная противоположность — *идеальный читатель*, которого создают или автор, или критик, не учитывая его возможного реального воплощения в тексте. Наиболее перспективен в теоретическом отношении тип читателя *потенциального*, или *имплицитного*. Для него нужна со стороны автора повествовательная стратегия, а также совокупность условий,

обеспечивающих понимание литературного произведения. Имплицитный читатель, образно говоря, может жить в тексте, быть «нарисованным» или «сфотографированным» автором. С позиции Д. Коста, идеальный читатель Ш. Пеги создан автором и завоеван его критическими рассуждениями. Имплицитный читатель также представлен у писателя, совсем неслучайно растет его аудитория, он ее видит, слышит и, образно говоря, фотографирует.

Как публицист, Ш. Пеги начинал свой путь, печатая статьи в журналах *La revue socialiste* («Социалистический журнал», 1885–1914), *La Revue Blanche* («Белый журнал», 1889–1903), представлявших часто социалистические идеи в утопической форме, гораздо более с позиции христианских добродетелей, чем с позиции революционного действия. По мнению исследователей, специфика религиозного сознания личности заключается в интеграции и гармоничном объединении религиозного сознания с другими его формами. «Роль религии в сознании человека, сознательно верующего, огромна» [4: с. 136].

Когда Ш. Пеги основал журнал *Cahier de la Quinzaine* («Двухнедельные тетради», 1900–1914), в котором печатал *собственные тексты* (эссе), его гражданская позиция совсем не изменилась, но поле деятельности весьма расширилось. Писатель сумел, пусть на короткое время, сделать «Двухнедельные тетради» признанной общественной силой. С появлением нового источника распространения информации определилась и постепенно выросла читательская аудитория автора в основном за счет тех, к кому он обращал тексты-проповеди. Весьма подвижные, глубоко выстраданные и четко оформленные мысли Ш. Пеги захватили широкую аудиторию, которая неуклонно росла с первых выпусков номера. Сегодня к этому автору относятся с почтением люди разных мировоззрений и политических пристрастий. Президент общества друзей Ш. Пеги (Даниэль Ле Ге) написал книгу «Наследники Пеги» (1992), в которой, в частности, назвал наиболее любящих Ш. Пеги авторов нового времени: генерала де Голля, писавшего: «Aucun écrivain ne m'a autant marqué» («Ни один из писателей не имел на меня такого воздействия, как Шарль Пеги»¹) [11: с. 346], Пьера Манана, ученика известного философа и социолога Раймона Арона, считавшего, что «il y a dans Réguy de quoi dynamiter les actuelles sciences humaines» («В Пеги есть нечто взрывное для всех гуманитарных наук») [11: с. 215].

Встает вопрос о специфике эссе Ш. Пеги. Согласно концепции Д. Принса [12], есть *нарратор, соединяющий рассказчика и читателя*, именно он помогает определить тип повествования и тип рассказчика, соответствующий конкретному типу нарратора. Теория нарратора акцентирует внимание на *пространстве повествования*, интуитивно воспринимаемого читателем. Участники дискурса художественной публицистики Ш. Пеги — сам автор и широкая читательская аудитория, в которую входили социалисты и христиане, т. е. люди часто высокообразованные, как, например, будущий знаменитый

¹ Здесь и далее перевод наш. — О. Т., М. Т.

писатель Р. Роллан, опубликовавший свои произведения («Героические жизни», «Театр революции», «Жан-Кристоф») в «Двухнедельных тетрадах»; грамотные и не очень, рядовые граждане, жители Орлеана и Парижа, а также других городов Франции, куда еще доставляли этот журнал.

В период создания эссеистики Ш. Пеги обсуждался исторически важный и существенный для значительной части французов вопрос об отделении церкви от государства; не оставались без внимания граждан речи политиков; жаркие споры порождала парламентская борьба мнений, дело А. Дрейфуса. «L'affaire Dreyfus aura été le dernier sursaut, le soubresaut suprême de cet héroïsme et de cette mystique, le dernier effort, d'héroïsme» [1: p. 13]. («Дело Дрейфуса стало последним рывком, высшим усилием героизма и мистики, самым героическим рывком» (цит. по: [5: с. 35])). Когда в прессе освещались важные события общественной жизни, Ш. Пеги выступал с собственным мнением, которого всегда ждали. Характеризуя современный мир, он прибегал к коротким, нераспространенным предложениям:

«Le gouvernement fait des élections, les élections font le gouvernement. C'est un prêté rendu. Le gouvernement fait les électeurs. Les électeurs font le gouvernement. Le gouvernement fait les députés. Les députés font le gouvernement. On est gentil. Les populations regardent. Le pays est prié de payer. Le gouvernement fait la Chambre. La Chambre fait le gouvernement» [1: p. 102] («Правительство влияет на выборы. Избиратели влияют на правительство. Правительство влияет на депутатов. Депутаты влияют на правительство. Население наблюдает. Страну просят заплатить. Правительство влияет на Палату. Палата влияет на правительство» (цит. по: [5: с. 40])).

Так Ш. Пеги видит политиканство и современный мир. Форму изыяснительной проповеди приобретают размышления писателя о вопросах образования, деградация которого заботит его. Об упадке образовательной системы он пишет следующее: «Nos bons maitres à l'école primaire nous disaient sensiblement: jusqu'au premier Janvier 1789 notre pauvre France était un abime de ténèbres et d'ignorance, de misères les plus effrayantes, des barbaries les plus grossières, et vous ne pouvez même pas vous en faire une idée; le premier Janvier 1789 on installa partout la lumière électrique» [1: p. 275]. («Наши славные школьные учителя с чувством говорили нам: до первого января 1789 года наша бедная Франция была средоточием темноты и невежества, самых ужасающих бедствий, грубейшего варварства, вы даже и представить себе не можете этого; а первого января 1789 года всюду зажегся электрический свет» (цит. по: [5: с. 43])).

Исторические перемены, подразумевающие изменение общества и его коммуникативных форм, порождают новые языковые поведенческие схемы и новые возможности их поэтического воплощения. Они подлежат толкованию с помощью текстовой прагматики не раз и навсегда, а в соответствии с их историческим местом. Многообразие возможных повествовательных приемов сводится к одному единственному, из которого можно вывести все прочие. За повествователем (включая эссеиста) закрепляется совершенно

определенный прототип рассказчика историй. Вот его портрет, с позиции немецкого литературоведа-романиста К. Штирле: «...писатель не слишком молод, он не стоит, а сидит, может быть, потягивая трубочку. Движения его медленны, выражение лица задумчиво. Факт рассказывания не определяет речевую ситуацию, скорее она определяет рассказывание (тип наррации)» [7: с. 67].

Для эссеистики очень важен именно контекст исторического времени и люди в нем, меняющие убеждения по мере вбрасывания в повествовательное пространство новых лозунгов, призывов, новых толкований старых догм. Думается, что к творчеству Ш. Пеги относится следующее высказывание: «Дискурсивная личность уже в процессе порождения сообщения имеет четкий образ своего конкретного или социального адресата и может оставаться коммуникативной даже после своей смерти при условии, что созданный ею дискурс остается социально значимым» [3: с. 270]. Круг почитателей этого автора невероятно обширен. Его произведения продолжают исследовать и изучать, они находят отклик в душах и умах большой мыслящей аудитории, разнообразной по возрасту и образованию, но неизменной в интересе к происходящему на его родине.

При рассмотрении эссеистики Ш. Пеги в свете прагматики текста мы выявили, что для литературно-художественного эссе автора характерно *постепенное наложение тем или проникновение одной темы в другую*, что требует от читателя большого терпения, внимания и интереса к материалу. Ш. Пеги часто увлекается какими-либо возникшими по ассоциации предметами настолько, что посвящает новой теме десятки страниц. Его эссе не организовано ни внешними, ни внутренними правилами. Он стремится высказаться как можно более полно.

Его эссе можно сравнить с *публицистическими высказываниями*, содержание которых заключается в богословском и философском осмыслении реальности. В них раскрывается литературная тема, которая дополняет и уточняет основную мировоззренческую линию, подтверждает примерами основные идеи, но и эта литературная тема может вдруг стать главной, поскольку автор всегда очень увлекается тем, что заботит его в течение монолога: будь то диалектика милости и права в общественно-историческом процессе, дело Дрейфуса, философские системы Декарта и Бергсона, военная угроза Франции со стороны Германии, современное священство католической церкви или образы поэтов и драматургов. Анализ силы воздействия писателя на читателя осуществляется благодаря диалогу. Высказывание Ш. Пеги всегда диалогично, в нем часто заключается риторический вопрос, краткий или объемный. Ответ на него может начаться с обращения к Богу, Божией Матери, святым Церкви и далее по нисходящей — соратникам, противникам и просто читателям.

Библиографический список**Источники**

1. *Péguy Ch.* Oeuvres en prose 1898–1908. Paris: Pleyade, Gallimard, 1959. 1529 p.

Литература

2. *Бахтин М.М.* Человек в мире слова. М.: Искусство, 1979. 423 с.
3. *Викулова Л.Г.* Французский литератор XVII века: энциклопедическая доминанция, лингвистическая компетенция, коммуникативное лидерство // Древняя и новая Романия. 2016. Вып. 17. С. 266–278.
4. *Дубнякова О.А., Кашина Т.А.* Концепт foï в христианской лингвокультуре // Человек. Язык. Время: материалы XVII конф. Школы-семинара им. Л.М. Скреблиной с междунар. участием (Москва, 16–18 сент. 2015 г.). М.: МГПУ; Языки Народов Мира; Тезаурус. 2015. С. 134–140.
5. *Тайманова Т.С.* Шарль Пегу: философия истории и литературы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 232 с.
6. *Хутыз И.П.* Лингвокультурные традиции в пространстве академического дискурса: особенности конструирования // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 3 (23). С. 86–93.
7. *Штирле К.* История как *exemplum* – *exemplum* как история: К вопросу о прагматике и поэтике повествовательных текстов // Немецкое философское литературоведение наших дней. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 61–95.
8. *Эко У.* Открытое произведение: форма и неопределенность в современной поэтике. СПб.: Академический проект, 2004. 384 с.
9. *Эпштейн М.Н.* Все эссе: в 2 т. Т. 1. В России (1970–1980-е). Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 544 с.
10. *Coste D.* Trois conceptions du lecteur et leur contribution à une théorie du texte littéraire. Paris: Poétique, 1980. № 43. P. 345–372.
11. Les héritiers Péguy. Alain Finkielkraut, Edwy Plenel, Yann Moix, Jacques Julliard, François Bayrou... Montroque: Bayard, 2014. 356 p.
12. *Prince G.* Narratology: The Form and Functioning of Narrative. The Hague, 1973. P. 377–381.

Интернет-ресурсы

13. Charles Péguy [Электронный ресурс]. URL: <http://www.charlespeguy.fr/> (дата обращения: 25.09.2018).

References**Istochniki**

1. *Péguy Ch.* Oeuvres en prose 1898–1908. Paris: Pleyade, Gallimard, 1959. 1529 p.

Literatura

2. *Baxtin M.M.* Chelovek v mire slova. M.: Iskusstvo. 1979. 423 s.
3. *Vikulova L.G.* Francuzskij literator XVII veka: e'nciklopedicheskaya dominaciya. lingvisticheskaya kompetenciya, kommunikativnoe liderstvo // Drevnyaya i novaya Romaniya. 2016. Vy'p. 17. S. 266–278.

4. *Dubnyakova O.A., Kashina T.A.* Koncept *foi* v xristianskoj lingvokul'ture // Chelovek. Yazy'k. Vremya: materialy' XVII konf. Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj s mezhdunar. uchastiem (Moskva, 16–18 sent. 2015 g.). M.: MGPU; Yazy'ki Narodov Mira; Tezaurus. 2015. S. 134–140.
5. *Tajmanova T.S.* Sharl' Pegi: filosofiya istorii i literatury'. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2006. 232 s.
6. *Xuty'z I.P.* Lingvokul'turny'e tradicii v prostranstve akademicheskogo diskursa: osobennosti konstruirovaniya // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 3 (23). S. 86–93.
7. *Shtirle K.* Istoriya kak exemplum – exemplum kak istoriya: K voprosu o pragmatike i poe'tike povestvovatel'ny'x tekstov // Nemeczkoe filosofskoe literaturovedenie nashix dnei. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2001. S. 61–95.
8. *E'ko U.* Otkry'toe proizvedenie: forma i neopredelennost' v sovremennoj poe'tike. SPb.: Akademicheskij proekt, 2004. 384 s.
9. *E'pshtejn M.N.* Vse esse: v 2 t. T. 1. V Rossii (1970–1980-e). Ekaterinburg: U-Faktoria, 2005. 544 s.
10. *Coste D.* Trois conceptions du lecteur et leur contribution à une theorie du texte litteraire. Paris: Poetique, 1980. № 43. P. 345–372.
11. Les héritiers Péguy. Alain Finkielkraut, Edwy Plenel, Yann Moix, Jacques Julliard, François Bayrou... Montroque: Bayard, 2014. 356 p.
12. *Prince G.* Narratology: The Form and Functioning of Narrative. The Hague, 1973. P. 377–381.

Internet-resursy'

13. Charles Péguy [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.charlespeguy.fr/> (data obrashheniya: 25.09.2018).

**O.V. Timasheva,
M.V. Tishchenko**

Sh. Pegi's Essays in the Light of Text Pragmatics

The article considers text pragmatics of a literary essay. It analyzes the «force impact» on the reader, who refers to his personal understanding, vision, reflection, his scope. Anthropocentrism and polysemy of the essay genre are being also proved.

Keywords: text pragmatics; reader in sociocultural practice; typology of the reader; force influence of the text; narrativity.